

Государство диктатуры люмпен-пролетариата

Для России сегодня актуально не демократическое, а национально-освободительное движение

01:58, 14 августа 2012 [Владимир Пастухов](#), Доктор политических наук. University College of London

Этот текст постоянного автора «Новой» Владимира Пастухова привел к скандалу в редколлегии: публиковать или нет? Мнения категорически разделились: сторонники говорили о необходимости дискуссии по столь спорным суждениям, противники ≡ об интеллектуальной провокации, с которой мы, последовательно выступающие за демократические ценности, не можем солидаризироваться. Пришли к решению: публикуем на сайте и спрашиваем мнение читателей

Этот текст постоянного автора «Новой» Владимира Пастухова привел к скандалу в редколлегии: публиковать или нет? Мнения категорически разделились: сторонники говорили о необходимости дискуссии по столь спорным суждениям, противники – об интеллектуальной провокации, с которой мы, последовательно выступающие за демократические ценности, не можем солидаризироваться. Пришли к решению: публикуем на сайте и спрашиваем мнение читателей, которое, как правило, оказывается компетентным и безупречным с этической точки зрения.

Попытка возложить всю ответственность за происходящее в России персонально на Владимира Путина бесперспективна. Владимир Путин управляет страной не сам по себе, и даже не от имени пресловутых силовиков, а политически представляет неимоверно расплодившееся паразитическое сословие, которое

благодаря ему конституировалось как господствующий класс. Только политическое подавление всего этого паразитического слоя может вывести Россию из перманентного кризиса.

Режим Владимира Путина вовсе не парит в воздухе, как этого многим бы хотелось. Скорее наоборот — он стоит обеими ногами на земле, и от него ощутимо попахивает социальным перегноем. Архаичная Русь, придушенная Петром, растерзанная большевиками, осмеянная либералами, восстала из праха, чтобы послать миру свой прощальный привет, прежде чем испустить дух. Чтобы победить, надо выдавить ее из себя, и не по капле. Времени у России нет.

Главный выгодоприобретатель

Государство Владимира Путина — это государство диктатуры люмпен-пролетариата. Люмпены являются основным конечным бенефициаром политики Путина.

Политический строй современной России совершенно адекватен ее социальному строю — состоянию российского общества, и в этой адекватности кроется секрет его стабильности. Пока в самой структуре общества, в положении его основных классов, в их самосознании не произойдет радикальных перемен, Путину ничего не угрожает.

Современная Россия — это страна победившего люмпена. Несмотря на то что количественно люмпены не преобладают, они, безусловно, доминируют сегодня в российском обществе, навязывая последнему свои «правила поведения». А уже как следствие, они являются и

политически господствующим классом, распоряжающимся государственной властью, как трофеем. Проще говоря, Россия сегодня — «босяцкое государство», а Путин — «босяцкий царь».

Все русские диктатуры похожи друг на друга, и стенограмма судебного процесса по делу Иосифа Бродского («тунеядца») выглядит так же омерзительно, как стенограмма процесса по делу Pussy Riots («кощунниц»). Тем не менее социальная природа этих диктатур совершенно разная. И даже если в будущем путинский режим сравняется по уровню репрессий с советской властью, а возможно, и переплюнет ее, ничего общего с советской властью, кроме поразительного внешнего сходства, он иметь не будет.

Советский строй был своего рода «генно-модифицированным» социальным продуктом. Большевизм привил к широкому крестьянскому стволу веточку западного модернизма. Через 70 лет это дерево сгнило, так и не родив обещанных семян. Правда, под землей остались корни, из которых наверх полезли уродливые побеги малопонятной природы.

Сегодня все старые советские сословия (классов в европейском смысле слова в России никогда не было) деградировали, а новые еще не успели сформироваться. В обществе, как никогда, много «лихих людей», готовых на всё «социальных фрилансеров», не связанных никакими корпоративными, моральными и тем более правовыми узами.

В основании «путинизма» лежат не крестьянские (так что зря писатели-деревенщики так о нем пекутся), а люмпенские

идеалы. В этом его главное отличие от советской власти. Эта та разница, которую многие не улавливают. «Путинизм» — политический строй деклассированных элементов, всех тех, кто выпал из своих социальных ниш либо вообще их никогда не имел. Наверное, так выглядела бы Россия, если бы Стенька Разин взял Кремль. На смену философии общины пришла философия «общака».

Варвар в городе

Люмпен — питательная среда для криминала. Люмпенизация российского общества имела своим прямым следствием его сплошную криминализацию.

В конце первой четверти прошлого века в русский город пришел раздавленный, обозленный и растерянный крестьянин. Несколько десятилетий ушло на то, чтобы городская среда переварила его, а он, в свою очередь, освоился в городском интерьере. На стыке этих двух процессов возникла полугородская «советская цивилизация», просуществовавшая почти полвека.

На рубеже XX и XXI веков в русский город с гиком и свистом ворвался самодовольный, наглый и беззастенчивый уголовник. Двух десятилетий ему хватило для того, чтобы подмять городскую, полугородскую и крестьянскую культуру под себя и свести на нет политические достижения 200-летней европеизации страны. Криминализация общества всегда является свидетельством его социальной деградации, провалом в архаику, возвратом к наиболее примитивным формам социальных отношений, основанных на насилии и грабеже.

Повинуясь основному инстинкту, криминальные элементы стихийно сбиваются в стаи, которые терзают «тяглых» людей и потрошат их кошельки. Периодически внутри этих стай случаются свары, как между собаками, не поделившими кость. Но все тот же инстинкт заставляет их снова объединяться. Их много. Они — главная социальная база нынешнего режима. Это их режим.

Криминальная опухоль пустила метастазы повсюду, она проросла «снизу», так же как и «сверху», проглотила государство, подмяла под себя общество. В России не осталось ни одной социальной или политической институции, которая не была бы покорежена уголовщиной. По сути, нет никакой разницы между кущевскими бандитами и кремлевскими олигархами. И те и другие — типичные люмпены и уголовники по своим повадкам, ценностям, менталитету. А вся Россия снизу доверху — сплошная «кущевка».

Новоявленный хозяин России дико озирается в необычном для него историческом интерьере, не в силах поверить, что всё теперь принадлежит ему. Он чужд всякого истинно производительного начала. Фабрики и заводы, железные дороги и больницы, государственные учреждения и дома призрения, суды и театры — всё это для него не более чем груды бесполезных институций, если их нельзя немедленно разобрать на части и продать — или по крайней мере заставить работать на себя.

Богатейшее государство, с необъятной территорией, с историей, с традициями и с ядерным оружием, в конце концов, стало трофеем в руках варвара. Он очень похож сегодня на обезьяну с гранатой в руке и так же опасен:

совершенно невозможно предсказать, куда он эту гранату зашвырнет, потому что социальных тормозов у обезьяны нет по определению.

Новая Орда

Криминальная среда полностью подчинила себе русское общество и эксплуатирует его как колонию, выкачивая из страны ресурсы и перекачивая их за рубеж.

Социальный и политический уклад жизни современной России очень похож на уклад жизни колониального государства. В медицине известен феномен аутоинтоксикации — самоотравления организма ядами, которые начинают вырабатываться внутри него при некоторых нарушениях нормальной жизнедеятельности. Нечто подобное произошло сегодня с российским обществом, которое подверглось «самоколонизации» паразитическими элементами, возникшими вследствие развития патологических социальных процессов внутри общества. Россия сегодня — империя и колония «в одном флаконе».

Страна вернулась в свой XVI век и даже еще раньше. Через всю русскую историю проходит конфликт между работающим «тягловым» (платящим налоги) человеком, которого не могло защитить слабое государство, и «татем» (вором и разбойником), который пользовался этой слабостью государства. Но почти никогда не было так, чтобы «тати» захватывали само государство, превращали его в орудие воровства и нещадного избиения работающих людей. Так было только в Ордынские времена, когда ханские отряды стояли в

каждом русском городе и защищали тех, кто больше заплатит. Но то были чужие, а здесь — свои.

Русское общество приобрело характерную для оккупированных (колонизируемых) территорий двухуровневую структуру. Где-то «на дне» есть реальный «производящий» социум со всеми свойственными ему внутренними противоречиями между составляющими его сословиями и есть «криминальная нашивка» над этим социумом, состоящая из не включенных в его повседневную производительную жизнь паразитических элементов, которые выкачивают из этого социума всё что можно.

Сегодня Россия искусственно поделена на два класса — «оккупантов» и «население». «Оккупанты» — это сформированная из люмпенов всех мастей («во фраках», «в погонах» или «в цепях» — не имеет значения) воровская элита, организованная как мафия и живущая «по понятиям», которая поставила под свой контроль государство и использует это государство как орудие перераспределения в свою пользу всего того, что производит население. «Население» — это совокупность впавших в «состояние комы» производящих сословий, лишенных реальной правовой и политической защиты, социальная роль которых сведена к обслуживанию паразитической элиты.

Конфликт между «оккупантами» и «населением» — основной скрытый социальный конфликт внутри современного российского общества. Это и есть то главное общественное противоречие, которое тормозит развитие российского общества, без преодоления которого ни одна из исторических задач, стоящих перед Россией, не может быть решена. Прежде чем заниматься модернизацией,

индустриализацией, либерализацией, демократизацией и еще Бог знает чем, общество должно освободиться от криминальной опеки, сбросить с себя мафиозное ярмо, угнетающее его производительные силы.

«Православный вайнахат»

Криминал разлагает русское общество, извращает цели и задачи русской государственности, вызывает необратимую деградацию русской культуры.

Криминальная стихия, как вирус, живет внутри любого здорового общества на протяжении всей его жизни. И любое общество на протяжении всей своей жизни борется с этим вирусом. Победить криминальную стихию, как и вирус, окончательно нельзя, но можно и нужно держать ее под контролем. Стоит, однако, обществу ослабнуть, а его социальным и политическим институтам отклониться от тщательного исполнения заложенных внутри них программ, как «криминальный вирус» берет реванш и начинает поедать еще живое общество изнутри. Социальный иммунодефицит опасен так же, как и биологический.

Как правило, эта «вирусная атака» на ослабленное общество заканчивается быстро и печально. Общество умирает, а вместе с ним умирают и те паразиты, которые его пожирали. Но, если это общество в свою очередь оказывается паразитическим и само живет за счет какого-то неограниченного внешнего ресурса (находится, так сказать, на искусственном питании и дыхании), то драма может затянуться. Возникает паразитическая цепочка, на вершине которой оказывается криминал, в середине — подмятое им под себя при помощи подконтрольного ему государства

общество, а в основании лежит тот самый ресурс, за счет которого они оба существуют.

Современную Россию невозможно представить без «Газпрома». Если бы не было Черномырдина, взлелеявшего эту уникальную монополию, то не было бы и Путина с его режимом. Недаром, повинувшись интуиции, Кремль в срочном порядке создает нефтяной аналог «Газпрома» из «Роснефти». Выдерни из-под власти «Газпром» с «Роснефтью» — и от нее ничего не останется. Нефтепроводы и газопроводы для криминальной российской элиты есть то же, что «шелковый путь» для кочевников — источник непрерывного и неограниченного «нетрудового» обогащения. Поэтому в российском обществе и возобладали нравы, естественные для какого-нибудь вайнахского племени, но мало сочетающиеся с христианской традицией. Сегодня не Кавказ входит в Россию, а Россия — в Кавказ.

Насаждаемые криминалом нравы корежат нравственные устои русского народа. Под его давлением начинает работать отрицательный «социальный лифт», который вытаскивает на поверхность всё самое гнилое, что можно найти в народной гуще. И, наоборот, всё доброе, светлое, истинно христианское выкорчевывается в народной душе. Формируется негативная матрица поведения, из которой можно выскочить, только отправившись во внутреннюю или во внешнюю эмиграцию. То же самое происходит со всеми социальными и политическими институтами. Вместо того чтобы стабилизировать общество, защищая его от хаоса, они привносят хаос в общественную жизнь, революционизируя Россию похлеще любой оппозиции.

Существует заблуждение, что нынешний режим — это и есть

традиционный образ русского государства. Мол, лучше, увы, не стало, но и хуже (если посмотреть внимательно на то, что было), слава Богу, тоже не стало. Русским «деревенщикам» даже мерещится возвращение к каким-то там православным истокам, и в надежде на будущее избиение ненавидимых ими «либералов» они готовы объявить Путина «спасителем Отечества». Традиционалисты потянулись в Кремль толпами — слепые, они перепутали дорогу в вертеп с дорогой к Храму.

Путинский режим не имеет ничего общего с русской государственной традицией (мы не обсуждаем здесь — хороша она или плоха), кроме некоторого поверхностного сходства в «держимордии». Но в этом нет ничего специфически русского — подобное «держимордие» можно найти у любого африканского или латиноамериканского авторитарного режима. И даже весьма «культурные» немцы или итальянцы в не лучшие для них времена вели себя очень похоже. Во всем остальном — это не традиционное государство с крестьянскими патриархальными корнями, а пиратская республика.

Это не возврат назад и тем более не движение вперед, а отскок в сторону. Получив на выходе «из коммунизма» мафиозное государство, опирающееся на люмпена, Россия зашла в исторический тупик, из которого ей не выбраться «эволюционным» путем. Криминальную нашлепку на теле общества нельзя рассосать, ее можно только отрезать.

Революции не избежать

Не исключено, что революция, которая так пугает русскую интеллигенцию, в сложившейся ситуации окажется не злом, а благом.

У русского человека — устойчивая аллергия на слово «революция», и его трудно в этом упрекнуть. Собственно, революция в русской истории была всего одна, но этого оказалось достаточно, чтобы надолго отбить желание экспериментировать с огнем. Сказалась и навязчивая, набившая оскомину героизация революции коммунистическим агитпропом. Зверства русской революции затруднили понимание исторической роли революций.

В русской истории бунт перекрыл революцию. Тем не менее не надо путать революцию с бунтом. Каждая революция есть, в той или иной степени, бунт. Но не всякий бунт есть революция. Бунт является бессмысленным и беспощадным. Революция бывает беспощадной, но не бессмысленной. У нее есть цели, задачи и класс, в интересах которого она осуществляется. Революции были и остаются «локомотивами истории» и ее «повивальными бабками». Как любые «роды», они почти всегда болезненны, а «локомотив» иногда может и переехать историю. Но это не значит, что революцию можно списать со счетов истории.

Проблема современной России состоит в том, что эволюционным путем из того криминального исторического тупика, в котором она оказалась, выбраться невозможно. Криминальный режим самодостаточен, и через 10, и через 20, и через 30 лет он будет воспроизводить себя в том виде, в котором мы его сегодня наблюдаем. В отличие от коммунистического режима, он завязан на деньги, а не на идеологию, деградация которой автоматически означает его крах и перерождение. Этот режим сам по себе не рухнет до тех пор, пока не исчерпает внешние ресурсы, его питающие. Это резко сужает количество возможных политических

сценариев для России.

Первый сценарий (неуправляемый крах) — это истощение природных запасов России или их катастрофическое обесценивание из-за мирового финансового кризиса, вслед за которым, почти гарантированно, наступает хаос и, вполне вероятно, распад страны (то есть исчерпание того внешнего ресурса, который питает криминальный режим). Если кто-то думает, что, когда закончится нефть, темницы рухнут и сама по себе наступит демократия, то он сильно заблуждается. Темницы, может быть, и рухнут, но приведет это только к тому, что еще больше уголовников выйдет на улицу. Это и есть кратчайший путь к тому самому «бессмысленному и беспощадному» бунту, которого никто не хочет. В этом случае режим гибнет, но вместе со страной.

Второй сценарий (управляемый крах) — это целенаправленное и организованное уничтожение режима до того, как нефть кончится. Этот путь предполагает неконституционное разрешение конфликта между властью и оппозицией, то есть революцию. Справедливости ради надо отметить, что к настоящему моменту конституционные рамки уже и так предельно размыты самим режимом, а конституционный порядок существует разве что в головах людей с сильно развитым воображением. При этом чем дольше будет сохраняться statusquo, тем болезненнее будет смена власти. Поэтому повторять, как мантру, что мы должны избежать революции «любой ценой», — контрпродуктивно. Ценой как раз и будет катастрофа, которая поглотит Россию, а вместе с ней и сотни тысяч, если не миллионы человеческих жизней.

Я не призываю к революции и не оправдываю революцию, я

лишь констатирую печальные факты. Я лично предпочел бы, чтобы Россия обошлась без нее. Но реальных шансов на это у России немного. Ей приходится выбирать между плохим и очень плохим вариантом. Либо революция, что плохо, но сохраняются определенные исторические шансы. Либо катастрофа и бунт, что очень плохо и без всяких шансов. К сожалению, третьего уже не дано. Историческую развилку, на которой можно было выскочить из этого тупика при помощи компромисса, Россия проскочила год назад. Да и то я уже не уверен, что развилка-то была.

Можно, конечно, игнорировать эти реальности, предаваясь мечтаниям о внутренней эволюции режима или о демократическом выборе голодного народа в разрушенной стране после того, как криминальный режим «доест» Россию до конца. Я полагаю для себя безответственным поддерживать подобного рода иллюзии, мало сочетающиеся с действительностью. Отдавая себе отчет в том, что моя позиция не найдет сегодня понимания у значительного числа глубоко уважаемых мною людей, я в свое оправдание могу лишь процитировать Владимира Маяковского: «И мне бы строчить романсы на вас, доходней оно и прелестней, но я себя смирял, становясь на горло собственной песне».

Единственный способ минимизировать потери от революции, не довести страну до хаоса и бунта, — это подготовиться к этой революции, сделать ее как можно более осмысленной и как можно менее стихийной.

Революция, какой бы бархатной она ни была, сначала решает свою главную и непосредственную задачу — устранение прогнившего режима и захват власти, а уж потом только переходит к осуществлению своих демократических и

конституционных задач. Перескакивание через первый этап возможно только в головах очень добрых и романтически настроенных граждан, но не на практике.

И тут мы подходим к очень щепетильному вопросу.

Оппозиция сегодня во главу угла ставит общедемократические лозунги, стыдливо обходя вопрос о необходимости завоевания власти. При этом практически все отдают себе отчет в том, что ее завоевание демократическим путем при существующих политических условиях невозможно. Нельзя убедить в преимуществах демократии народ, который при ней никогда не жил и ассоциирует демократию только с анархией 90-х. Как писал Троцкий, нельзя научиться ездить на лошади, не сев на нее. Дайте сначала народу лошадь — порядок и законность, а потом учите его демократической выездке.

Речь идет не об умалении или отрицании демократии, а лишь о приоритизации лозунгов. Демократические лозунги являются сегодня *стратегически* правильными, но *тактически* преждевременными. Для России в данный исторический момент актуально не демократическое, а национально-освободительное движение. Непосредственной целью сегодня является не демократизация, а деколонизация и декриминализация. Народ входит в революцию, движимый ненавистью к старому строю, а выходит из нее охваченный новыми идеями.

Это не власть, а оппозиция должна использовать сегодня тактику народного фронта. В повестке дня должен стоять один вопрос — борьба с криминалом и мафиозным государством. Все, для кого эта повестка дня актуальна, должны получить входной билет вне зависимости от

идеологических предпочтений. Круглый стол необходим не для тех, кому и так приятно поговорить друг с другом, — они могут встретиться и в ресторане. И тем более круглый стол создается не для того, чтобы *договариваться* с властью, а для того, чтобы *давить* на нее.

Перед национально-освободительным движением стоят иные задачи, чем перед демократическим: подавление криминальных элементов и их агентов в государственных органах; восстановление дисциплины и общественного порядка; возвращение работоспособности государственных институтов, прежде всего правоохранительных органов и судебной системы. Прежде чем строить демократию, необходимо освободить Россию от того внутреннего ига, которое душит ее производительные силы и расшатывает нравственные устои. Сначала надо вырезать опухоль, а потом заниматься оздоровительными процедурами.

Прежде всего нужно расчистить (или даже зачистить) ту площадку, на которой будет возводиться здание демократии. И лишь потом, когда эта задача будет решена, конституционной элите придется в жесткой конкурентной борьбе доказывать преимущества демократического пути развития. Демократия — это не плод разовых усилий, который можно сорвать, как джекпот, и жевать всю оставшуюся жизнь. Постоянное напряжение здоровых сил общества, заинтересованных в том, чтобы Россия снова не скатилась в криминальную яму, является единственной гарантией для демократии. Никаких других гарантий не существует. Если 100 лет назад общество с этой задачей не справилось, это не повод полагать, что оно с ней не справится никогда.

Как это ни тяжело осознавать, но надо быть готовыми к тому, что путь к демократии лежит через диктатуру. Нет никаких сомнений в том, что «мафиозное государство», защищая себя, будет впредь только усиливать репрессии, у него просто нет другого выхода. Ответом на криминальный террор могут быть только меры чрезвычайного характера. Обществу придется пройти через чистилище, соскребая с себя «татей» и их приспешников. Это будет малоприятный, но необходимый этап, у которого, безусловно, будут свои издержки. Их и будут в последующем лечить при помощи демократии.

По прочтении этого текста у нас возникли вопросы. А кто будет тем лидером, который проведет необходимую, по мнению автора, хирургическую операцию? Откуда ему взяться? На кого он будет опираться и кто будет осуществлять антикриминальную революцию? Не станут ли эти люди, оказавшись у власти столь жестким способом, основателями новой мафиозной структуры? Не похоже ли это все на большевизм, который уже разрушал до основания, а что было затем, знают все? Мы задали эти вопросы Владимиру Пастухову. Он обещал написать продолжение, в котором попытается на них ответить.